

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-4-70-84>

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 20.08.2024
Принята к публикации: 21.10.2024

Виталия Валерьевна ТКАЧЁВА

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Вернадского п-т, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация
vitaliya.tkachyova@yandex.ru
ORCID: 0009-0002-7513-5797

АКТУАЛЬНЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ИНСТИТУТА ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО УБЕЖИЩА

ВВЕДЕНИЕ. *Использование помещений дипломатических представительств с целью предоставления в них убежища лицам, подвергающимся преследованию со стороны властей государства пребывания по политическим мотивам, прослеживается в практике разных стран на протяжении многих столетий. Тем не менее институт дипломатического убежища остается одним из дискуссионных и малоизученных вопросов международного права. Это обусловлено рядом причин. В первую очередь общее международное право исходит из неправомерности предоставления убежища в зарубежных органах внешних сношений. Кроме того, отсутствие единообразия в правовой регламентации рассматриваемого института неизбежно приводит к расхождениям в позициях государств в отношении оснований, порядка и сроков предоставления дипломатического убежища. Непосредственная в связи с этим практика государств служит основанием для возникновения потенциальных международных споров, а также случаев нарушения неприкосновенности дипломатических представительств государством пребывания, злоупотребления иммунитетами и привилегиями и вмешательства во внутренние дела со стороны аккредитующего государства. Несмотря на наличие договорной*

базы, регулирующей порядок предоставления данного вида убежища, практика стран латиноамериканского региона в равной степени противоречива. В статье проведен анализ актуальных международно-правовых вопросов института дипломатического убежища, включая его роль и место в международном праве, а также особенности процедуры его предоставления как в странах Латинской Америки, так и в государствах других регионов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. *Проведение настоящего исследования осуществлялось на основе универсальных международных соглашений, а также актов регионального характера, применимых к институту дипломатического убежища. При подготовке статьи автор также опирался на работы ведущих российских и зарубежных специалистов в области международного права и дипломатии. Кроме того, источником послужили судебные решения, вынесенные в результате рассмотрения споров, возникших в ходе реализации рассматриваемого института. В рамках работы среди общенаучных и специальных методов познания использовались следующие: диалектический метод, методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, сравнительно-правовой и историко-правовой методы.*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В статье проведен комплексный анализ правовой основы института дипломатического убежища, а также рассмотрена специфика регионально-го подхода стран Латинской Америки к праву предоставления убежища в помещениях дипломатических представительств. Особое внимание уделено практическим аспектам института дипломатического убежища, включая имеющуюся судебную практику, что способствовало выявлению существующих коллизий универсальных и региональных международно-правовых норм, применимых к рассматриваемому институту, в частности, в отношении неприкосновенности помещений дипломатических представительств и недопустимости вмешательства во внутренние дела государства пребывания.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. По итогам проведенного исследования автор приходит к выводу, что отсутствие всеобщего международно-правового признания института дипломатического убежища, единообразной практики государств, а также универсального международного договора, регламентирующего вопросы его предоставления, способствует формированию опасной тенденции: государства пребывания применяют противоправные меры

в отношении заграничных учреждений и нарушают, таким образом, не только неприкосновенность их помещений, но и нормы международного права, оправдывая свои действия необходимостью преследования неугодных лиц, укrywшихся в них, чем подрывают основы безопасности самих государств. Возникающие в связи с этим межгосударственные споры обуславливают необходимость дальнейшей регламентации института дипломатического убежища с целью выработки единого правового подхода к нему.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дипломатическое право, дипломатическое убежище, дипломатическое представительство, дипломатический иммунитет, органы внешних сношений, латиноамериканский регион

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ткачёва В.В. 2024. Актуальные международно-правовые вопросы института дипломатического убежища. – Московский журнал международного права. № 4. С. 70–84. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-4-70-84>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-4-70-84>

Research article

UDC: 341

Received 20 August 2024

Approved 21 October 2024

Vitaliya V. TKACHEVA

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
vitaliya.tkachyova@yandex.ru
ORCID: 0009-0002-7513-5797

CURRENT INTERNATIONAL LEGAL ISSUES OF THE INSTITUTE OF DIPLOMATIC ASYLUM

INTRODUCTION. The granting of asylum to people persecuted by the host State on political grounds in the premises of diplomatic missions can be traced in the practice of different countries for many centuries.

Nevertheless, the institution of diplomatic asylum remains one of the most controversial issues of international law and diplomatic practice primarily due to the lack of international legal regulation, which leads

to divergent positions of states on the admissibility of granting diplomatic asylum. In practice, inconsistent practice in this regard serves as a basis for potential international disputes, as well as violation of the inviolability of diplomatic missions by the host State, abuse of immunities and privileges and interference in internal affairs by the accrediting State. Despite the existence of a treaty framework governing the procedure for granting this type of asylum, the practice of Latin American countries is also inconsistent and contradictory. In this regard, the article analyzes the current international legal issues of the institution of diplomatic asylum, including its role and place in international law, along with the peculiarities of the procedure for granting it both in Latin American countries and in states of other regions.

MATERIALS AND METHODS. The present study was carried out on the basis of universal international agreements, as well as regional acts applicable to the institution of diplomatic asylum. In preparing the article, the author also took into account works of leading Russian and foreign experts in the field of international law and diplomacy. In addition, for the purposes of the research court decisions rendered on the disputes arising in the course of the implementation of the institution in question were analysed. The following general scientific and special methods of cognition were used in the work: dialectical method, methods of analysis and synthesis, deduction and induction, comparative-legal and historical-legal methods.

RESEARCH RESULTS. The article provides a comprehensive analysis of diplomatic asylum institution legal basis, including the inherent characteristics of Latin American regional approach to the right of asylum in premises of legations. Special attention was paid to the practical aspects of the question under con-

sideration, based on existing case law, that facilitated the identification of conflicts of universal and regional legal norms applicable to the institution of diplomatic asylum. In particular, legal uncertainty was revealed regarding the correlation between the sovereignty of the host State and the inviolability of the premises of the diplomatic mission of the accrediting State.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. Based on the conducted research, the author concludes that the absence of universal international legal recognition of the diplomatic asylum institution, uniform practice of states and universal international treaty regulating the issues of its granting contribute to the formation of a dangerous trend: host states apply illegal measures against foreign diplomatic missions thus infringing not only the inviolability of its premises, but also the provisions of international law, justifying their wrongful acts by the need to prosecute undesirable persons who have taken refuge on the foreign state's territory, thereby undermining the foundations of international security. The interstate disputes arising in this regard necessitate further reclamation of the institute of diplomatic asylum to develop a unified legal approach to the matter at issue.

KEYWORDS: Diplomatic law, diplomatic asylum, diplomatic mission, diplomatic immunity, foreign relations authorities, Latin American region

FOR CITATION: Tkacheva V.V. Current International Legal Issues of the Institute of Diplomatic Asylum. – *Moscow Journal of International Law*. 2024. No. 4. P. 70–84. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-4-70-84>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение

На протяжении многих столетий начиная с образования древнейших государств, лица, спасавшиеся от преследования со стороны местных властей, обращались за убежищем в храмы, святость которых наделяла их неприкосновенностью, а впоследствии с развитием международных отношений и появлением первых постоянных посольств в середине

XV века – в дипломатические представительства иностранных государств, расположенные на территории государства пребывания [Галенская 1968:5].

Практика предоставления убежища в помещениях или на территории дипломатических представительств продолжает развиваться по пути все более широкого применения и в XXI в. Подтверждением этому служит ряд резонансных случаев, включая предоставление убежища Дж. Ассанжу в посольстве Эквадора в Лондоне

в 2012 г., а также бывшему вице-президенту Эквадора Х. Гласу в посольстве Мексики в г. Кито, Эквадор, в апреле 2024 г.

При этом институт дипломатического убежища остается одним из наиболее дискуссионных и малоизученных вопросов международного права. Отсутствие единообразия в правовом регулировании рассматриваемого вопроса, признание дипломатического убежища в отдельных государствах и регионах в противовес недопустимости его предоставления в контексте положений Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. (далее – Венская конвенция 1961 г., Конвенция) создают основание для межгосударственных споров.

2. Роль и место института дипломатического убежища в международном праве

Несмотря на сложившуюся практику применения института дипломатического убежища, мировым сообществом так и не был разработан унифицированный проект универсального международного договора, который регламентировал бы порядок реализации данного механизма защиты [Ястребова 2023:60].

Одна из первых попыток кодификации института дипломатического убежища была принята Институтом международного права, по итогам сессии которого в 1950 г. была принята резолюция «Убежище в международном публичном праве» [Тюренкова 2017:117].

Согласно ст. 2 указанного документа, под убежищем подразумевается «покровительство, предоставляемое государством на своей территории или в каком-либо другом месте, находящемся под контролем его органов, лицу, которое его ищет»¹.

При этом в п. 1 ст. 3 резолюции перечислены места, которые можно использовать для указанных целей. В частности, наряду с военными кораблями, военно-воздушными судами и иными

местами, подконтрольными органам государства пребывания, к ним были отнесены помещения дипломатических представительств и консульских учреждений.

По сути, вышеизложенные положения служат подтверждением правомерности экстерриториального убежища, в том числе против актов насилия, исходящих от местных властей. Тем не менее в документе не были учтены нормы, применяемые государствами в их практике предоставления убежища, а также отсутствие его признания со стороны большинства стран мирового сообщества. В связи с этим резолюция Института международного права не внесла значительных изменений в практику государств и скорее представляла собой попытку развития рассматриваемого института, нежели кодификации в вопросе предоставления убежища [Heijer 2012:118].

Еще один шаг в направлении разработки правовых начал института дипломатического убежища был предпринят Комиссией международного права Организации Объединенных Наций (далее – КМП ООН, Комиссия) в рамках работы над проектом Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г.²

В частности, в *travaux préparatoires* Комиссии был отражен ряд предложений о включении в статью о неприкосновенности помещений дипломатических представительств специальной оговорки, которая предусматривала бы запрет на их использование для укрытия общеуголовных преступников. Предполагалось в порядке исключения допустить возможность предоставления убежища в отношении лиц, обвиненных в совершении правонарушений, если только при выдвигении последних явно наличествовали политические мотивы. Претендовать на подобную защиту могли также беженцы в обстоятельствах непосредственной угрозы жизни или чрезвычайной ситуации. В остальных лица, обратившиеся за таким убежищем, подлежали немедленной выдаче по запросу местных властей³.

¹ Institut de Droit International. Session de Bath 1950 (Resolution I). 'L'asile en droit international public (à l'exclusion de l'asile neutre)'. URL: https://www.idi-iil.org/app/uploads/2017/06/1950_bath_01_fr.pdf (accessed date: 12.05.2024).

² UN General Assembly: Question of Diplomatic Asylum. Report of the Secretary-General. 2 September 1975. A/10150 (Part II). Para. 173. URL: https://www.unhcr.org/protection/historical/3ae68bf10/question-diplomatic-asylum-report-secretary-general.html?__cf_chl_tk=llrNyxVihX.XJkBiEX9lztq73737drbWu8_m_AGkxrA-1672926591-0-gaNycGzNGeU#_ftn8 (accessed date: 12.05.2024).

³ UN General Assembly: Question of Diplomatic Asylum. Report of the Secretary-General. 2 September 1975. A/10150 (Part II). Para. 172.

Член КМП ООН от СССР профессор Г.И. Тункин выступал за исключение из статьи помимо прочего ссылки на политические мотивы в качестве правомерного основания для укрытия лиц в помещениях представительств при условии, если в отношении них компетентными государственными органами уже был выдан ордер на арест или задержание [Behrens 2017:179].

В целом большинство членов Комиссии придерживались концепции сохранения неприкосновенности дипломатических представительств при любых обстоятельствах. Даже их использование в целях, прямо не относящихся к функциям зарубежных органов внешних сношений, включая укрытие лиц, преследуемых властями, не снимает с государства обязанности уважать неприкосновенность их помещений⁴.

Однако в силу неоднозначности и сложности вопроса закрепление соответствующего положения в проекте конвенции без предварительного изучения означало бы действие *ultra vires* со стороны Комиссии, в результате чего дипломатическое убежище было отнесено к отдельному предмету исследования.

Тем не менее несмотря на то что рассматриваемый институт так и не нашел отражения в Венской конвенции 1961 г., ряд ее положений затрагивает некоторые аспекты, связанные с его реализацией.

В частности, в особом мнении, приложенном к решению Международного Суда ООН по Делу об убежище 1950 г. относительно укрытия перуанского политика Виктора Рауля Айя де ла Торре в посольстве Колумбии в Лиме, судья Рид отметил, что обоснованием правомерности предоставления убежища в дипломатических представительствах служит их иммунитет⁵.

Так, п. 1 ст. 22 Венской конвенции 1961 г. закрепляет принцип неприкосновенности помещений заграничных учреждений [Denza 2016:6]. Согласно данному положению «власти государства пребывания не могут вступать в эти помещения иначе, как с согласия главы представительства»⁶.

При этом п. 2 также возлагает на государство пребывания обязанность защищать помещения представительства «от всякого вторжения или нанесения ущерба, нарушения спокойствия представительства или оскорбления его достоинства»⁷. В соответствии со ст. 45 Конвенции данное требование должно соблюдаться даже в случае «разрыва дипломатических сношений между двумя государствами либо окончательного или временного отозвания представительства»⁸.

Сфера применения п.1 уточняется п. 3 ст. 22 Венской Конвенции 1961 г., в котором закреплено, что «предметы их обстановки и другое находящееся в них имущество, а также средства передвижения представительства, пользуются иммунитетом от обыска, реквизиции, ареста и исполнительных действий»⁹.

Хотя упомянутая статья прямо не предусматривает допустимость предоставления дипломатического убежища, тем не менее, защищая неприкосновенность дипломатических помещений от юрисдикции принимающего государства, она, по сути, препятствует вмешательству иностранных государств в процедуру предоставления убежища.

Учитывая абсолютный характер неприкосновенности дипломатических представительств, даже при злоупотреблении этим иммунитетом со стороны аккредитуемого государства путем укрытия преследуемых лиц в их помещениях, на территорию посольства нельзя вступать без согласия его главы. *De facto* это приводит к принудительному признанию рассматриваемого института.

Кроме того, Конвенция также вводит ряд ограничений на практику применения данного механизма защиты.

Так, согласно п. 1 ст. 41 Венской конвенции 1961 г. «лица, пользующиеся привилегиями и иммунитетами, обязаны уважать законы и постановления государства пребывания», а также «не вмешиваться во внутренние дела этого государства»¹⁰. Документ, однако, не дает никаких

⁴ UN General Assembly: Question of Diplomatic Asylum. Report of the Secretary-General. 2 September 1975. A/10150 (Part II). Para. 174.

⁵ Colombian-Peruvian Asylum Case (Colombia v Peru). Judgment of 20 November 1950. – *ICJ Reports*. 1950. No. 7. Dissenting Opinion by Judge Read. P. 317. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/7/007-19501120-JUD-01-03-EN.pdf> (accessed date: 26.04.2024).

⁶ Венская конвенция о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml (дата обращения: 26.04.2024).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

разъяснений относительно концепции вмешательства и того, подпадает ли под ее действие предоставление убежища в помещениях представительства [Behrens 2014:325].

Международный Суд ООН в своем решении по Делу об убежище 1950 г. постановил, что предоставление убежища в помещениях зарубежных органов внешних сношений, расположенных на территории государства, в котором было совершено правонарушение, способствует уклонению преследуемого лица от правосудия, что, в свою очередь, является вмешательством во внутренние дела этого государства. По мнению Суда, подобное нарушение неприемлемо, если только государство пребывания не придерживается такой же практики и, соответственно, признает институт дипломатического убежища¹¹.

Однако представленная Международным Судом ООН впоследствии в рамках Дела Айя де ла Торре 1951 г. интерпретация Гаванской конвенции об убежище 1928 г., по сути, предусматривает обратное, так как закрепляет возможность укрытия политических правонарушителей в дипломатических представительствах [Зинченко 2011:258].

В отношении принципа невмешательства представляется целесообразным также отметить, что Венская конвенция 1961 г. не содержит каких-либо положений, обеспечивающих принудительное исполнение п. 1 ст. 41 Конвенции. В совокупности с абсолютным характером неприкосновенности помещений дипломатических представительств, закрепленной в ст. 22 Венской конвенции, ст. 41, наоборот, в определенной степени способствует реализации этой практики.

Более того, включение формулировки «без ущерба для их привилегий и иммунитетов» в п. 1 ст. 41 четко указывает на то, что даже в случаях нарушения упомянутой статьи со стороны дипломатических агентов аккредитующего государства, обязанность государства пребывания уважать привилегии и иммунитеты указанных лиц остается незатронутой.

Тем не менее в современной дипломатической практике обеспечение убежищем лица, преследуемого по политическим основаниям, в поме-

щениях зарубежных органов внешних сношений, рассматривается в качестве нарушения суверенитета государства, на территории которого они располагаются. И.П. Блищенко в связи с этим охарактеризовал его как «институт вмешательства во внутренние дела государства» [Блищенко 1990:75].

Положения Венской конвенции 1961 г. также имеют отношение к институту дипломатического убежища в части основных направлений деятельности представительств. Так, п. 3 ст. 41 нацелен на предотвращение потенциальных случаев злоупотребления их неприкосновенностью путем ограничения использования помещений представительств «в целях, несовместимых с его функциями»¹².

Следует, однако, отметить, что перечень последних, закрепленный в ст. 3 документа, не является исчерпывающим. Хотя предоставление дипломатического убежища политическим правонарушителям, бесспорно, не относится к функциям представительства, Конвенция также не содержит положений, запрещающих использовать его помещения именно таким образом. Более того, необходимо учитывать, что оговорка, содержащаяся в ст. 41, по сути, предусматривает возможность закрепления иных функций представительств, включая предоставление дипломатического убежища, в других нормах общего международного права или в специальных соглашениях, действующих между аккредитующим государством и государством пребывания [Värk 2012:251]. Вместе с тем для отнесения практики предоставления дипломатического убежища к признанным международным сообществом функциям представительств она должна отвечать всем требованиям нормы обычного права, включая последовательность и общность государственной практики, а также наличие *opinio juris*, т. е. убежденности государств в юридической обязательности таких правил поведения¹³. Однако подобные доказательства трудно представить, по крайней мере, в отношении утверждения о том, что предоставление дипломатического убежища в целом и без каких-либо дополнительных оговорок должно приниматься в качестве дипломатической функции *sui generis* [Behrens 2014:328].

¹¹ Colombian-Peruvian Asylum Case (Colombia v. Peru). Judgment of 20 November 1950.

¹² Венская конвенция о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г.

¹³ Вылегжанин А.Н. *Международное право*. В 2-х частях. Часть 1. Учебник для вузов. А.Н. Вылегжанин [и др.]. Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. 4-е изд. М.: Издательство Юрайт. 2021. С. 60.

Кроме того, нарушение обязанности, налагаемой п. 3 ст. 41, само по себе не является достаточным основанием для применения государством пребывания мер, нарушающих неприкосновенность помещений дипломатического представительства [Denza 2016:385]. Международный Суд ООН в Деле о дипломатическом и консульском персонале США в Тегеране 1980 г., в частности, отметил, что при разработке Венской конвенции 1961 г. в ее положениях были предусмотрены средства, позволяющие государствам противостоять потенциальным злоупотреблениям иммунитетом и привилегиями¹⁴. В частности, государства могут прибегнуть к разрыву дипломатических отношений либо признать лицо *persona non grata*.

Тем не менее предоставление убежища в принадлежащих дипломатическому представителю помещениях расценивается как злоупотребление дипломатическими иммунитетом, функциональный характер которых закреплен в Венской конвенции 1961 г.¹⁵

3. Особенности регионального подхода стран Латинской Америки к институту дипломатического убежища

Латиноамериканские государства в силу историко-политических особенностей их развития традиционно отводят дипломатическому убежищу более значимое место, чем это принято в других регионах мира.

Присущая региональному подходу к институту специфика находит свое отражение в выходящем за рамки Венской конвенции 1961 г. международно-правовом обычае предоставления убежища не только в посольствах и консульствах, но и на военных кораблях, военно-воздушных судах, а также в военных лагерях [Ястребова 2023:68].

Кроме того, практическая реализация данного механизма защиты основывается на собственной региональной международно-правовой регламентации рассматриваемого института¹⁶.

Основополагающими международными договорами в этой области являются Гаванская конвенция об убежище 1928 г., Конвенция о политическом убежище, подписанная в Монтевидео в 1933 г., а также Каракасская конвенция о дипломатическом убежище 1954 г.

Порядок предоставления дипломатического убежища, установленный вышеупомянутыми региональными конвенциями, обладает рядом отличительных черт.

В первую очередь страны Латинской Америки и Карибского бассейна исходят из нераспространения принципа взаимности на правоотношения, связанные с практической реализацией института дипломатического убежища [Гуляева 2023:29]. Иначе говоря, решение об убежище, как форма выражения суверенитета аккредитующего государства, не должно согласовываться с позицией государства, на территории которого планируется его предоставить. Более того, опираясь на концепцию так называемой местной терпимости, государства имеют возможность реализовывать данную практику на территориях стран, официально не признающих рассматриваемый институт, с молчаливого согласия последних. Безусловно, это способствует распространению дипломатического убежища за пределы латиноамериканского региона. Так, государства, не являющиеся участниками региональных конвенций, могут применять их положения в качестве обычно-правовых норм при предоставлении убежища.

Закрепляя право каждого человека, вне зависимости от его гражданской принадлежности, обращаться за защитой в помещения зарубежных органов внешних сношений, государства, таким образом, подтверждают применимость к случаям предоставления дипломатического убежища принципа недискриминации, что отражает гуманитарный характер, присущий данной практике (ст. 20 Каракасской конвенции).

Для латиноамериканского региона также характерно нормативное ограничение сферы применения рассматриваемого института по кругу

¹⁴ Case Concerning United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran (United States of America v Iran). Judgment of 24 May 1980. – *ICJ Reports*. 1980. No. 64. P. 38. Para. 83-87. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/64/064-19800524-JUD-01-00-EN.pdf> (accessed date: 13.04.2024).

¹⁵ Киселева Е.В. *Международно-правовое регулирование миграции*. Учебное пособие для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Юрайт. 2024. С. 100.

¹⁶ Ястребова А.Ю., Анисимов И.О., Гуляева Е.Е. 2024. *Право внешних сношений*. Учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт. С. 50-51.

лиц. Так, в соответствии с историческим развитием практики, нашедшим отражение в ст. 3 упомянутой Конвенции, предоставление дипломатического убежища допустимо только в отношении лиц, преследуемых по политическим основаниям. Данное право не распространяется на лиц, обвиняемых или осужденных за совершение общеуголовных преступлений, а также лиц, дезертировавших из сухопутных войск, военно-морских и военно-воздушных сил. Обеспечение их укрытием в помещениях представительств является незаконным и влечет за собой требование покинуть территорию представительства или, в зависимости от обстоятельств, их немедленную выдачу по запросу местных властей.

При этом необходимо учитывать, что в современном международном праве отсутствует общепризнанное определение понятия «политического преступления». Квалификация осуществляется в каждом конкретном деле. В контексте данного вопроса Международный Суд ООН при рассмотрении Дела об убежище в 1950 г. исходил из правомерности предоставления дипломатического убежища только в тех случаях, когда правосудие больше не подчиняется верховенству закона. Иными словами, политический мотив может иметь место, когда отправление правосудия подрывается мерами, явно обусловленными политическими целями¹⁷.

С целью усиления гарантии справедливости процесса предоставления убежища за аккредитующим государством было закреплено право в одностороннем порядке осуществлять квалификацию деяния беженца¹⁸ в качестве политического или уголовного (ст. 2 Гаванской конвенции об убежище 1928 г.).

В отношении данного вопроса Международный Суд ООН в решении по вышеупомянутому делу, напротив, признал данную норму неприменимой к правоотношениям, связанным с предоставлением дипломатического убежища.

Как следствие, односторонняя квалификация преступного деяния, осуществленная государством, оказывающим такого рода покровительство, не должна порождать каких-либо обязательств для государства пребывания.

Тем не менее позднее рассматриваемый вопрос был детально регламентирован ст. 3 Каракасской конвенции 1954 г., в частности, закрепившей за страной убежища право односторонней квалификации преступлений беженца.

Примечательно, что там, где Международный Суд ООН проявил осторожность и склонность в пользу государства пребывания, страны Латинской Америки предприняли смелые шаги, направив закон в противоположное русло [Värk 2012:248].

Еще одна ключевая региональная характеристика института проявляется в использовании дипломатического убежища в качестве временного экстерриториального механизма защиты индивидов. Особого внимания в данном контексте заслуживает концепция «крайней меры», которая отражает попытки латиноамериканских государств ограничить практику предоставления убежища, предпринятые с целью устранения угрозы суверенитету государства пребывания, путем установления требования предоставления убежища только в чрезвычайных ситуациях и тех случаях, когда это абсолютно необходимо [Hughes-Gerber 2021:119]. Подтверждением данной позиции также служит решение Международного Суда ООН по Делу об убежище 1950 г., согласно которому убежище должно носить кратковременный характер и служить средством обеспечения безопасности данного лица, ограждая его от самосуда противника¹⁹.

Анализ вышеупомянутых стандартов предоставления дипломатического убежища позволяет отслеживать тенденцию, выражающуюся в наделении государств убежища дискрецией в вопросах квалификации, будь то правонарушение или степени чрезвычайности ситуации, что, безусловно, сопряжено с определенным риском злоупотребления с их стороны.

Подобная двойственность, сложившаяся в международном праве в отношении института дипломатического убежища, не только влечет за собой появление определенных коллизий универсальных и региональных международно-правовых норм, но и является предметом потенциальных споров между государствами.

¹⁷ Colombian-Peruvian Asylum Case (Colombia v. Peru). Judgment of 20 November 1950.

¹⁸ В данном контексте термин «беженец» используется в значении, закрепленном в региональных соглашениях, действующих в Латинской Америке (Гаванская конвенция об убежище 1928 г., Конвенция Монтевидео о политическом убежище 1933 г. и Каракасская конвенция о дипломатическом убежище 1954 г.) и регламентирующих институт дипломатического убежища, а не по смыслу Конвенции о статусе беженцев 1951 г.

¹⁹ Colombian-Peruvian Asylum Case (Colombia v. Peru). Judgment of 20 November 1950.

4. Практика предоставления дипломатического убежища в латиноамериканском регионе и за его пределами

Отсутствие всеобщего международно-правового признания института дипломатического убежища обусловлено также различиями в подходах государств к его практической реализации.

В частности, Ю.Г. Демин отмечал следующую тенденцию: «Если одни западные государства (Бельгия, Франция) действительно допускают предоставление дипломатического убежища, но только в признающих его латиноамериканских странах, то другие (например, США, Великобритания), укрывая местных граждан в помещениях дипломатических представительств, официально заявляют о том, что не признают этого института» [Демин 1992:95].

Вместо этого в случаях, когда возникает необходимость в предоставлении защиты лицу в помещениях дипломатических представительств в государствах, отрицающих правомерность практики, вторая категория стран, как правило, руководствуется институтом временного укрытия.

В отличие от дипломатического убежища, временное укрытие состоит в оказании помощи беженцам в условиях чрезвычайных обстоятельств и от непосредственной расправы. При этом он не изымается из-под юрисдикции государства пребывания, как в случае с дипломатическим убежищем. Предполагается, что после получения соответствующих гарантий справедливого судебного разбирательства, лицо подлежит выдаче местным властям.

Тем не менее в практике США последнее требование нередко нарушалось. Например, в 1899 г. гражданин Гаити У. Дювивье, спасаясь от ареста за причастность к сговору с целью свержения правительства, обратился в консульство США за убежищем, но был вскоре насильно задержан отрядом солдат, проникшим на его территорию. По требованию американского посла беженец был возвращен в консульство.

Штаты были убеждены, что У. Дювивье не будут предоставлены гарантии справедливого судебного разбирательства, пока у власти находится нынешний режим, даже если он получит соответствующие заверения в безопасности от президента Гаити. Руководствуясь этими соображениями, Государственный департамент США заявил о том, что даже в случае запроса о выдаче со стороны государства пребывания, он не будет исполнен [Ronning 1965:117-118].

Данный случай демонстрирует характерную для стран, придерживающихся концепции временного укрытия (США, Канада, Великобритания), практику отнесения вопроса определения степени восстановления закона в государстве пребывания к дискреции государств, предоставляющих такую защиту. Соответственно, принятие решения о выдаче лица для судебного преследования также относится к прерогативе таких государств [Демин 1992:96].

Кроме того, несмотря на отсутствие признания правомерности практики дипломатического убежища, многие государства тем не менее предусматривают возможность его предоставления в исключительных случаях в инструкциях для дипломатических и консульских сотрудников [Heijer 2013:410]. Например, в Руководстве по иностранным делам 2024 г., изданном Государственным департаментом США, закреплено, что, учитывая широкий спектр обстоятельств, которые могут возникнуть, запросы иностранных граждан о предоставлении защиты в помещениях дипломатических представительств должны рассматриваться в индивидуальном порядке. При этом в документе уточняется, что возможности правительства США по оказанию такой помощи будут зависеть от места и обстоятельств запроса²⁰. Из этого следует, что государства в вопросе целесообразности предоставления тому или иному лицу дипломатического убежища преимущественно руководствуются политическими интересами [Хабриева 2019:209]. В частности, в годы «холодной войны» США неоднократно укрывали в стенах своих дипломатических представительств, в том числе в Москве, разных антисоветчиков²¹.

²⁰ US Department of State Foreign Affairs Manual. 2 FAM 227.1(a) and 227.2(b). URL: <https://fam.state.gov/FAM/02FAM/02FAM0220.html> (accessed date: 09.10.2024).

²¹ Содиков Ш.Д. 2024. *Дипломатическая защита граждан и юридических лиц*. Учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Юрайт. С. 66.

Также в 2012 г. китайский диссидент Чэнь Гуаньчэн, занимавшийся адвокатской деятельностью, был обвинен в публикации сведений о нарушении прав человека в КНР. После отбытия наказания и побега из-под домашнего ареста он получил дипломатическое убежище в представительстве США в Пекине. Китай потребовал от США официальных извинений, назвав их действия неприемлемым вмешательством во внутренние дела государства и нарушением международного права. Тем не менее, согласно официальным заявлениям правительства США, допуск китайского гражданина на территорию американского посольства являлся законным, поскольку носил временный характер и был обусловлен необходимостью оказания медицинской помощи. Впоследствии Чэнь Гуаньчэн с разрешения китайских властей покинул здание американского посольства и беспрепятственно вылетел в США с целью прохождения обучения за рубежом [Chisholm 2014:544].

В контексте исследования актуальных международно-правовых проблем института дипломатического убежища практический интерес представляет дело Дж. Ассанжа, связанное с предоставлением Эквадором убежища основателю WikiLeaks, обвиняемому в публикации секретных данных американской разведки, на территории своего дипломатического представительства в Лондоне в 2012 г. [Vázquez 2017:216].

Одновременно с началом расследования США по подозрению в нарушении закона о шпионаже 1917 г. шведскими правоохранительными органами в 2010 г. против Дж. Ассанжа были выдвинуты обвинения в совершении преступлений сексуального характера в отношении двух граждан Швеции. Опасаясь последствий исполнения выданного в отношении него европейского ордера на арест в виде возможной экстрадиции в США, где, по его мнению, он мог подвергнуться пыткам или бесчеловечному обращению, основатель WikiLeaks уехал в Лондон [Ambos 2013:117]. Исчерпав все доступные средства правовой защиты, в 2012 г. Дж. Ассанж получил убежище в посольстве Эквадора в Лондоне, где

находился на протяжении следующих семи лет [Restrepo 2021:141].

Однако правомерность распространения покровительства со стороны латиноамериканского государства в отношении Дж. Ассанжа была оспорена Великобританией на том основании, что она не является участницей какого-либо международно-правового документа, обязывающего признать данный принцип и, как следствие, уважать предоставление дипломатического убежища²². В связи с этим Соединенное Королевство заявило о праве лишить его убежища в одностороннем порядке, ссылаясь на Закон о дипломатических и консульских помещениях 1987 г.²³, положения которого предусматривают возможность ограничивать неприкосновенность дипломатических помещений в случае злоупотребления при их использовании со стороны аккредитующего государства с целью обеспечения доступа для властей страны пребывания на территорию представительства и проведения обыска [Heijer 2013:415].

Тем не менее, по мнению К.К. Сандровского, несмотря на то что дипломатической практике известен ряд прецедентов, связанных с нарушением неприкосновенности дипломатических представительств государством пребывания вплоть до изъятия укрывшихся с применением силы, местные власти, как правило, воздерживаются от применения подобного рода мер [Демин 1992:99].

Позиция Великобритании иллюстрирует, как национальные правовые системы могут интерпретировать и применять нормы и принципы международного права в соответствии с собственными правовыми нормами и интересами. Ее отказ признать дипломатическое убежище Дж. Ассанжа отражает суверенное право принимающего государства определять условия, на которых оно признает статус беженцев или другие формы международной защиты. Однако несмотря на нормы действующего законодательства, Великобритания не стала арестовывать Дж. Ассанжа в нарушение неприкосновенности посольства Эквадора.

²² Foreign Secretary Statement on Ecuadorian Government's Decision to Offer Political Asylum to Julian Assange. URL: <https://www.gov.uk/government/news/foreign-secretary-statement-on-ecuadorian-government-s-decision-to-offer-political-asylum-to-julian-assange#:~:text=News%20story-,Foreign%20Secretary%20statement%20on%20Ecuadorian%20Government's%20decision,political%20asylum%20to%20Julian%20Assange&text=%22We%20are%20determined%20to%20carry,Foreign%20Secretary%20William%20Hague%20today.> (accessed date: 15.05.2024).

²³ Diplomatic and Consular Premises Act 1987. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1987/46> (accessed date: 10.05.2024).

Кроме того, учитывая абсолютный характер неприкосновенности помещений дипломатических представительств, потенциальная попытка арестовать Дж. Ассанжа на территории посольства Эквадора без согласия его главы представляла бы собой нарушение норм международного права.

Дело Дж. Ассанжа также затрагивает вопрос права лица, получившего убежище, покинуть территорию государства пребывания, обеспечиваемое, согласно Каракасской конвенции 1954 г., так называемой охранной грамотой с предоставлением соответствующих гарантий со стороны государства пребывания, что жизнь, свобода или личная неприкосновенность лица, преследуемого по политическим мотивам, не подвергнутся опасности [Heijer 2013:416]. Так, при попытке перевезти Дж. Ассанжа из Великобритании на территорию своего государства власти Эквадора заявляли о намерении предпринять все доступные законные средства, включая возможность передать дело в Международный Суд ООН, если Соединенное Королевство продолжит отказывать Дж. Ассанжу в безопасном выезде из страны. Тем не менее Великобритания придерживалась позиции о нераспространении в отношении нее обязанности предоставить охранную грамоту, поскольку укрытие Дж. Ассанжа в посольстве Эквадора являлось вторжением во внутренние дела Соединенного Королевства. Подтверждением этому также служит решение Международного Суда ООН по Делу об убежище 1950 г., в рамках которого при рассмотрении возникших у Колумбии и Перу разногласий в отношении толкования п. 3 ст. 2 Гаванской конвенции об убежище 1928 г., регулирующего вопрос о выдаче охранной грамоты, Суд постановил, что, поскольку условия этого положения не были соблюдены, а именно отсутствовал запрос со стороны правительства государства пребывания о выдворении беженца со своей территории, требование гарантий не имеет юридического основания, из чего следует, что государство пребывания не обязано выдавать охранную грамоту²⁴. Поэтому в случае выхода Дж. Ассанж за пределы посольства столичная полиция имела бы право арестовать его.

Случай с предоставлением дипломатического убежища Дж. Ассанжу интересен в том числе тем, что при попытке урегулирования возникших разногласий были задействованы правозащитные механизмы ООН. Так, в 2016 г. во Мнении № 54/2015 Рабочая группа по произвольным задержаниям, функционирующая в рамках Совета по правам человека ООН, пришла к выводу, что тюремное заключение, а также домашний арест, которому подвергся Дж. Ассанж после очередного задержания в Лондоне, включая его вынужденное пребывание в посольстве, являются не чем иным, как произвольным задержанием²⁵. Однако и шведское, и британское правительства выступили против его прекращения с тем обоснованием, что Мнение Рабочей группы не подлежит обязательному исполнению [Arredondo 2017:136]. По сути, предложение о пересмотре выводов Группы со стороны государств, позиционирующих себя в ООН приверженцами прав и свобод человека, не только подрывает ее мандат, но и служит подтверждением того, что мнения этих же правозащитных механизмов Организации ничего не значат, если они вступают в противоречие с их политическими интересами [Абашидзе, Черных 2016:88].

Тем не менее в 2019 г. по инициативе президента Эквадора Л. Морено Дж. Ассанж был лишен права на дипломатическое убежище в связи с неоднократным нарушением условий пребывания в посольстве и вмешательством во внутренние дела государства. Впоследствии с согласия главы дипломатического представительства он был задержан британской полицией на территории посольства и помещен в тюрьму в Соединенном Королевстве.

В период с 2020 г. в британских судах прошел ряд слушаний, по результатам которых было принято решение об экстрадиции основателя WikiLeaks в США, где ему грозило 175 лет лишения свободы за раскрытие секретной информации. Процесс его оспаривания продолжался с 2022 по 2024 г. В частности, 20 мая 2024 г. Высокий суд в Лондоне разрешил Дж. Ассанжу подать апелляцию на решение о его выдаче в связи с неудовлетворительным характером гарантий соблюдения его прав, представленных

²⁴ Colombian-Peruvian Asylum Case (Colombia v. Peru). Judgment of 20 November 1950.

²⁵ Human Rights Council. Working group on Arbitrary Detention: Opinion No. 54/2015 concerning Julian Assange. (A/HRC/WGAD/2015). 4 of Dec. 2015. P. 14.

Вашингтоном. 24 июня 2024 г. Дж. Ассанж был освобожден под залог из британской тюрьмы Белмарш после более чем пяти лет заключения и покинул Великобританию. Двумя днями позже основатель WikiLeaks в рамках сделки с министром США признал вину в разглашении секретной информации, за которое он уже отбыл срок, в обмен на отказ от требования его экстрадиции со стороны США. 26 июня решением федерального окружного суда Северных Марианских островов дело в отношении Дж. Ассанжа было официально прекращено, а сам основатель WikiLeaks освобожден.

Таким образом, дело Дж. Ассанжа является классическим примером, отражающим присущую институту дипломатического убежища правовую неопределенность в вопросе соотношения суверенитета государства пребывания и неприкосновенности помещений дипломатического представительства аккредитующего государства. В связи с этим в условиях отсутствия единообразного подхода к рассматриваемому институту в целях предотвращения или разрешения международных споров наиболее приемлемым является урегулирование подобных ситуаций дипломатическим путем.

Непоследовательна практика и латиноамериканских государств, признающих институт дипломатического убежища. Несмотря на его довольно подробную регламентацию, в странах Латинской Америки продолжают возникать споры о его применении.

Показательным примером является беспрецедентный случай, связанный со штурмом посольства Мексики в г. Кито 5 апреля 2024 г., осуществленным с целью ареста бывшего вице-президента Эквадора Х. Гласа. Нападение Эквадора было расценено мировым сообществом в качестве нарушения норм Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. и Каракасской конвенции о дипломатическом убежище 1954 г.

Власти Эквадора обосновывали вторжение необходимостью «защиты суверенитета», апеллируя к тому, что потенциальный побег преступника нес в себе угрозу национальной безопасности. В Кито заявили, что предоставление убежища Х. Гласу составляет прямое вмешательство во внутренние дела государства. Действия

Мексики также были признаны нарушающими положения Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. в части злоупотребления неприкосновенностью помещений дипломатического представительства.

На фоне произошедших событий Мексика объявила о разрыве дипломатических отношений с Эквадором и 11 апреля 2024 г. подала заявление в Международный Суд ООН с просьбой распорядиться об обеспечительных мерах в отношении Эквадора, в том числе обязать власти Эквадора предпринять соответствующие и немедленные шаги для обеспечения полной защиты и безопасности дипломатического представительства Мексики в государстве пребывания.

Решением от 23 мая 2024 г. Международный Суд отказал Мексике во введении мер против Эквадора, обосновав это недостаточностью представленных обстоятельств для требования осуществления полномочий Суда в соответствии со ст. 41 Статута для вынесения обеспечительных мер²⁶. Председатель Суда Наваф Салам также заявил, что обещание защитить помещения мексиканских дипломатических представительств, данное ранее Эквадором, исключает необходимость вынесения дополнительных решений со стороны Суда. При этом Международный Суд ООН подтвердил фундаментальную важность принципов, закрепленных в Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г., касающихся неприкосновенности дипломатических помещений.

Несмотря на то, что разбирательство по делу еще не завершено, президент Мексики выразил уверенность в том, что решение Суда будет вынесено в пользу страны и создаст прецедент, предотвращающий последующие потенциальные случаи вторжений в посольства с нарушением норм международного права.

Действия Эквадора также получили осуждение со стороны большинства государств. В частности, МИД России выразил обеспокоенность в связи с вооруженным проникновением представителей эквадорских силовых структур в мексиканское посольство, подтвердив безусловную важность соблюдения Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г., являющейся незыблемой основой поддержания отношений между государствами.

²⁶ Embassy of Mexico in Quito (Mexico v. Ecuador). The ICJ Order of 23 May 2024. URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/194/194-20240523-sum-01-00-en.pdf> (accessed date: 15.04.2024).

В том, что касается практики нашей страны, следует отметить последовательность занимаемой как СССР, так и Россией в качестве его продолжателя позиции по вопросу дипломатического убежища. Традиционно правомерность реализации рассматриваемого института оспаривается. В отношении же последствий использования помещений дипломатических представительств с целью предоставления убежища российская сторона исходит из того, что подобная практика не должна служить поводом к нарушению неприкосновенности последних.

Существующая тенденция по оправданию применения противоправных мер в отношении заграничных учреждений с целью преследования неугодных, со ссылкой на нормы национального законодательства, не только ставит под угрозу дальнейшую практику предоставления дипломатического убежища, но и в целом подрывает основы миропорядка.

Подобный случай нарушения неприкосновенности помещений дипломатического представительства не является исключением в международной практике. В частности, Международный Суд ООН в рамках Дела о дипломатическом и консульском персонале США в Тегеране 1980 г. оценил правовые последствия вооруженного нападения иранских студентов на посольство США в Тегеране с захватом заложников в 1979 г.²⁷

В своем решении Суд подтвердил обязанность государства пребывания обеспечивать защиту, привилегии и иммунитеты дипломатических представительств и их сотрудников, а также фундаментальный характер принципа неприкосновенности.

Список литературы

1. Абашидзе А.Х., Черных И.А. 2016. Свобода слова, понимаемая Организацией Объединенных Наций и некоторыми государствами-членами. – *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Юридические науки. № 3. С. 76-89.
2. Блищенко И.П. 1990. *Дипломатическое право*. Москва: Высшая школа. 284 с.
3. Галенская Л.Н. 1968. *Право убежища*. Москва: Международные отношения. 128 с.

5. Заключение

По итогам проведенного анализа правовых основ института дипломатического убежища можно утверждать, что, невзирая на древние истоки зарождения права на убежище, в международном праве так и не удалось выработать единый, общеприемлемый подход к вопросу о допустимости предоставления убежища в помещениях зарубежных органов внешних сношений. Практика государств по рассматриваемому вопросу сильно расходится, а необходимая правовая регламентация института дипломатического убежища имеется только в странах латиноамериканского региона. Но, как выяснилось, даже государствам Латинской Америки не удалось достичь взаимно согласованной позиции в отношении ряда теоретических аспектов рассматриваемого института. По-прежнему требуют уточнения вопросы, касающиеся определения оснований, порядка и сроков предоставления дипломатического убежища, а также иных теоретических аспектов, что на деле приводит к некоторым расхождениям в практике государств с последующей вероятностью возникновения международного спора. Упомянутые в статье судебные разбирательства являются наглядным тому доказательством.

Таким образом, существующий двойственный подход к институту дипломатического убежища провоцирует многочисленные случаи злоупотреблений как со стороны государства пребывания, так и со стороны аккредитующего государства, что обуславливает необходимость его дальнейшей регламентации с целью создания единой правовой базы, применимой к вопросам дипломатического убежища.

4. Гуляева Е.Е. 2023. Институт дипломатического убежища в региональном международном праве на примере стран Латинской Америки. – *Евразийский юридический журнал*. № 6 (181). С. 24-28.
5. Демин Ю.Г. 1992. Современные тенденции в предоставлении убежища и укрытия в помещениях дипломатических представительств. – *Московский журнал международного права*. № 4. С. 94-103.
6. Зинченко Н.Н. 2011. *Международное миграционное право: основы теории и практики*. Москва: Научная книга. 344 с.

²⁷ Case concerning United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran 1979. – *I.C.J. Reports*. P. 31. URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/64/6293.pdf>. (accessed date: 15.04.2024).

7. Тюрenkova К.А. 2017. Право убежища как международно-правовой институт. – *Гуманитарные исследования*. № 1 (61). С. 116-121.
8. Хабриева Т.Я. 2019. *Миграционное право: сравнительно-правовое исследование*. Монография. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 400 с.
9. Ястребова А.Ю. 2023. Отдельные формы региональной международно-правовой регламентации института убежища. – *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право*. № 2. С. 59-71.
10. Ambos K. 2013. El caso de Julian Assange: orden de detención europea versus asilo diplomático. – *Revista Nuevo Foro Penal*. Vol. 9. Issue 81. P. 116-138.
11. Arredondo R. 2017. WikiLeaks, Assange y el Futuro del Asilo Diplomático. – *Revista Española de Derecho Internacional*. Vol. 69. Issue 2. P. 119-144.
12. Behrens P. 2014. The law of diplomatic asylum – a contextual approach. – *Michigan Journal of International Law*. Vol. 35. Issue 2. P. 319-367.
13. Chisholm J.T. 2014. Chen Guancheng and Julian Assange: The Normative Impact of International Incidents on Diplomatic Asylum Law. – *The George Washington Law Review*. Vol. 82. Issue 2. P. 528-555.
14. Denza E. 2016. *Diplomatic Law: Commentary on the Vienna Convention on Diplomatic Relations*. Oxford: Oxford University Press. 472 p.
15. Heijer M. 2012. *Europe and extraterritorial asylum*. Hart Publishing. 342 p.
16. Heijer M. 2013. Diplomatic Asylum and the Assange Case. – *Leiden Journal of International Law*. Vol. 26. Issue 2. P. 399-425.
17. Hughes-Gerber L. 2021. *Diplomatic Asylum. Exploring a Legal Basis for the Practice under General International Law*. Cham: Springer. 230 p.
18. Restrepo D.J. 2021. Modern Day Extradition Practice: A Case Analysis of Julian Assange. – *Notre Dame Journal of International & Comparative Law*. Vol. 11. Issue 1. P. 138-157.
19. Ronning C.N. 1965. *Diplomatic Asylum: Legal Norms and Political Reality in Latin American Relations*. The Hague: Martinus Nijhoff. 239 p.
20. Värk R. 2012. Diplomatic asylum: Theory, Practice and the Case of Julian Assange. – *Sisekaitseakadeemia Toimetised*. Vol. 11. P. 240-257.
21. Vázquez A.N. 2017. El Asilo Diplomático: de Haya de la Torre a los Asilados del Caso "WikiLeaks". – *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. Vol. 28. Issue 2. P. 213-226.
3. Arredondo R. WikiLeaks, Assange y el Futuro del Asilo Diplomático. – *Revista Española de Derecho Internacional*. 2017. Vol. 69. Issue 2. P. 119-144.
4. Behrens P. The law of diplomatic asylum – a contextual approach. – *Michigan Journal of International Law*. 2014. Vol. 35. Issue 2. P. 319-367.
5. Blishchenko I.P. *Diplomatičeskoe pravo [Diplomatic Law]* Moscow: Vysshaya shkola Publ. 1990. 284 p. (In Russ.)
6. Chisholm J.T. Chen Guancheng and Julian Assange: The Normative Impact of International Incidents on Diplomatic Asylum Law. – *The George Washington Law Review*. 2014. Vol. 82. Issue 2. P. 528-555.
7. Demin Yu.G. Sovremennye tendencii v predstavlenii ubezhihha i ukrytija v pomeshhenijah diplomatičeskikh predstavitel'stv [Current Trends in Asylum and Refuge in the Premises of Diplomatic Missions]. – *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 1992. №4. P. 94-103. (In Russ.)
8. Denza E. *Diplomatic Law: Commentary on the Vienna Convention on Diplomatic Relations*. Oxford: Oxford University Press. 2016. 472 p.
9. Galenskaja L.N. *Pravo ubezhihha [The Right of Asylum]*. Moscow: International relations. 1968. 128 p. (In Russ.)
10. Guljaeva E.E. Institut diplomatičeskogo ubezhihha v regional'nom mezhdunarodnom prave na primere stran Latinskoj Ameriki [The Institute of Diplomatic Asylum in Regional International Law on The Example of Latin American Countries]. – *Evrazijskij juridičeskij zhurnal [Eurasian Law Journal]*. 2023. № 6 (181). P. 24-28. (In Russ.)
11. Heijer M. *Europe and extraterritorial asylum*. Hart Publishing. 2012. 342 p.
12. Heijer M.D. Diplomatic Asylum and the Assange Case. – *Leiden Journal of International Law*. 2013. Vol. 26. Issue 2. P. 399-425.
13. Hughes-Gerber L. *Diplomatic Asylum. Exploring a Legal Basis for the Practice under General International Law*. Cham: Springer. 2021. 230 p.
14. Khabrieva T.Y. *Migracionnoe pravo: sravnitel'no-pravovoe issledovanie. [Migration Law: Comparative Legal Research]. Monografija*. Moscow: The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. 2019. 400 p. (In Russ.)
15. Restrepo D.J. Modern Day Extradition Practice: A Case Analysis of Julian Assange. – *Notre Dame Journal of International & Comparative Law*. 2021. Vol. 11. Issue 1. P. 138-157.
16. Ronning C.N. *Diplomatic Asylum: Legal Norms and Political Reality in Latin American Relations*. The Hague: Martinus Nijhoff. 1965. 239 p.
17. Tyurenkova K.A. Pravo ubezhihha kak mezhdunarodno-pravovoj institut [The Right of Refuge: International Legal Institution]. – *[Gumanitarnye issledovanija] Humanitaria Studia*. 2017. №1 (61). P. 116-121. (In Russ.)
18. Värk R. Diplomatic asylum: Theory, Practice and the Case of Julian Assange. – *Sisekaitseakadeemia Toimetised*. 2012. Vol. 11. P. 240-257.
19. Vázquez A.N. El Asilo Diplomático: de Haya de la Torre a los Asilados del Caso "WikiLeaks". – *Revista Latinoamericana de Derechos Humanos*. 2017. Vol. 28. Issue 2. P. 213-226.
20. Yastrebova A.Yu. Otdel'nye formy regional'noj mezhdunarodno-pravovoj reglamentacii instituta ubezhihha [Particular Forms of International Legal Regulation of

References

Asylum on Regional Level]. – [Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura: IAZh. Ser. 4: Gosudarstvo i pravo] Information and analytical journal «Social and Humanitiien Sciences: Domestic and Foreign Literature». Series 4. "State and law". 2023. № 2. P. 59-71. (In Russ.)

21. Zinchenko N.N. *Mezhdunarodnoe migracionnoe pravo: osnovy teorii i praktiki*. [International Migration Law: fundamentals of theory and practice]. Moscow: The Scientific Book. 2011. 344 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Виталия Валерьевна ТКАЧЁВА,

соискатель кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Вернадского пр-т, д. 76, Москва, 119454, Российская Федерация

vitaliya.tkachyova@yandex.ru
ORCID: 0009-0002-7513-5797

About the Author

Vitaliya V. TKACHEVA,

Applicant of the International Law Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

vitaliya.tkachyova@yandex.ru
ORCID: 0009-0002-7513-5797